

РОМАН

СЕРГЕЯ ОСТА

ВОЗДЕРЖАВШИЙСЯ

18+

Сергей Ост
Воздержавшийся

«Автор»

2022

Ост С.

Воздержавшийся / С. Ост — «Автор», 2022

Сергей, преследуемый неудачами провинциал без определённого рода занятий, получает предложение поработать на местного олигарха. Он приезжает в резиденцию заказчика, где с ним начинает флиртовать секретарша босса, девушка неземной красоты. Всё бы ничего, но барышня явно его с кем-то путает. Или знает о нём больше, чем он сам? Неожиданно он находит намёки на разгадку в древних текстах, которые хранятся в библиотеке олигарха. Начиная расследование, Сергей попадает в водоворот событий, которые можно объяснить только сверхъестественным путём.

Содержание

1. ЭМИССАРЫ СУДЬБЫ	6
2. КРОВАВАЯ БАНЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Ост

Воздержавшийся

Разбей крепость своей индивидуальности,
Чтобы твоя правда могла встать свободной из руин.

Алистер Кроули, комментарий к аркану «Падение Башни»

1. ЭМИССАРЫ СУДЬБЫ

«...Оставив липкие от смеси пота и дорожной пыли сандалии за порогом, я благоговейно вошел внутрь тростникового жилища Великого Мастера. Молва о нём шла по всей округе и не было ни фермера ни чиновника, кто усомнился бы в его мудрости и святости. Вот уже неделю он отказывался меня принимать, ссылаясь на то, что болен, занят или больше не нуждается в учениках. Но я-то знал: старик просто проверяет меня. И вот, миг, которого я так жаждал, наконец, настал. Мои духовные поиски увенчались удачей.

– Почему ты не отправился домой по совету моему? – спросил Мастер, позволив фрагменту седой бороды выглянуть из колышущихся теней. – Ты послушался меня. Я зол, но ты досаждаешь мне, и, думаю, проще избавиться от тебя, уделив время, чем ждать, пока тебе надоест ночевать у окрестных селян.

Я склонил голову в поклоне:

– Я запутался. Мне нужно найти смысл. Нужно найти свой путь. Научи меня, ибо я нигде не слышал о более совершенном учителе.

Старик пожал плечами.

– Я не могу тебе ничего дать. Прости. Не знаю, чем я обязан славе о своей мудрости. Я себя мудрым не называю. Да, ко мне часто приходят разные люди. Я слушаю их. Смотрю на жизнь через свой и чужой опыт. И понимаю всё меньше. Так что, если ты хочешь определенности, это не ко мне. Я сам в не меньшем, а то и в большем недоумении от жизни, чем окружающие. Мне нечем поделиться.

– Учитель, не знаю, с какой целью ты лукавишь. Ведь ты нашёл свой смысл и идёшь по своему пути.

– Нашёл. Но это мой смысл, и я тебе его не отдам.

– Тогда позволь мне быть с тобой. Может, благодаря твоему опыту, мне удастся найти свой Путь.

– Если я позволю тебе остаться, ты можешь помешать мне следовать моим Путём. Мой опыт будет замутнён твоим. Зачем мне это? Лучше мне быть одному.

– Ты противоречишь сам себе. Ведь если ты боишься этого, значит у тебя есть нечто, что ты охраняешь и лелеешь. Как же ты говоришь, что тебе нечем поделиться?

– Верно ты сказал... Но, будет ли верно отдавать тебе мое?

– Ты сам сказал, что пользовался опытом других людей. Ты же не спрашивал у них согласия чтобы заимствовать их опыт для возрастания своей мудрости?

– Опять ты прав, – крикнул старец. – Тогда ответь, какой тебе прок от моих сомнений и неопределённости? Разве это – мудрость? Зачем тебе такая мудрость?

– Человек, который ищет истину, понимает, что простых ответов не бывает. Сомнение и неопределённость могут быть так же глубоки, как море, просторны, как равнины и вкусны, как добрая пища, выдержаны, как доброе вино. Я жажду проверить, насколько твои сомнения обладают этими качествами. Быть может, мудро выбрать путь между валунами сомнения и оврагами неопределённости?

Старик встал и поклонился.

– Ты достаточно мудр, чтобы отличать лукавство от правды. Достаточно терпелив, чтобы понимать: истина не среди застывших канонов, и искать её следует среди сомнений и зыбкой неопределенности. Ты ещё не знаешь Пути, но у тебя есть карта, с помощью которой ты рано или поздно выберешься на него. Я не могу сделать это за тебя. Но я рад, что ты появился. У тебя есть передо мной преимущество: ты молод, а уже подобрался к сути всей мудрости почти так

же близко, как я. Если мы пойдём вместе, наша мудрость будет умножаться и преизобиловать пуще прежнего.

– Ты опять лукавишь, старик. Ибо молодость и старость не могут идти рука об руку: старость будет тормозить, а молодость забегать вперед. И ты знаешь, что два сомнения не смогут выбрать, в какую сторону идти. Я не пойду с тобой, ибо если ты в конце пути алчен до чужого опыта, лелеешь корыстные надежды и неуверен в своих силах, то я согласен с тем, что ты и впрямь не мудр. Я тебя проверил. Для меня такой учитель бесполезен.

– Я тоже проверил тебя, и понял, что ты недостойн учиться. Ибо ты легковерен и непоследователен. Сначала ты поверил людской молве, потом разочаровался, когда реальный мудрец оказался не похож на образ, созданный молвой, после же поддался искушению судить обо мне, не зная и тысячной части моей мудрости. И ты вовсе не мудр, ибо не понял, что в постижении Пути главное – движение по нему, и попутчики, с которыми ты идёшь, а не конечная цель. Для меня столь гордый и бестолковый ученик бесполезен, ибо мне жаль делить с таким сокровища своей мудрости...

– Да какие там «сокровища мудрости», – вспыхнул я. – Ты просто пустышка, мнящая из себя невесть что!

– Полегче, тупой малолетний болван! Закрой свою утробу, из которой смердит невежество и неуважение к старшим!

– Да иди ты в пень, безмозглый старикашка!

– Проваливай отсюда, молокосос драный!...»

Со сдавленным смешком отчаяния я отодвинул клавиатуру, раздумывая, удалить текст сразу или всё же попытаться выложить на каком-нибудь эзотерическом сайте. Как хохму. Получался какой-то бред, неубедительный и поверхностный. Какие-то смывки с неактуального и отжившего старья, которые в процессе их вымучивания утомили даже меня самого.

Да... Кастанеды из меня, за месяц попыток, так и не вышло. Это он сумел так переупаковать накопившуюся оккультную шелуху, что раздул на 12 томов и продал своё псевдоучение миллионными тиражами. А что, накрепко впарил его в мозги нескольким поколениям голодной до всякой мистики молодёжи. Мне до него далеко. Сдулся.

Рекрутёр, с которым я общался, доверительно сообщил, что один сайт интересуется поиском авторов для создания свежего и небанального мистического контента. Я и взялся. Но вдохновения, чтобы родить, оформить и продать новый эзотерический продукт, хоть убей, не было. Я искал затравку, какой-нибудь диалог, как у Кастанеды, которым можно было бы зацепить читателя так же, как сценой встречи с доном Хуаном на автобусной остановке. Но кроме таких вот поделок, в которых и учитель, и ученик получались какими-то карикатурными и ходульными, ничего из себя извлечь не мог. Что ж, может и сама мудрость в нашу эпоху подверглась инфляции, обесценилась, и стала уже не уникальным драгоценным камнем, найденным в потайном месте, а отштампованной на заводе дешёвой стекляшкой.

Настроение было мрачным. Хотелось выпить. Впрочем, этого мне хотелось уже много дней кряду, и мне было как-то совестно отказывать себе в этом спасении для бездарностей.

Сегодня я, правда, хотел поработать, но потерпел, как теперь уже ясно, фиаско. Следовательно, идея выпить снова становилась актуальна.

Пока сбрасывал домашнее тряпье и натягивал джинсы и рубашку, врубил любимый подкаст, где рассказывали о новом открытии астрономов. Оказывается, телескоп, установленный на одном из китайских спутников, обнаружил новый светящийся объект, ранее не появлявшийся в поле зрения ученых. Пока было не ясно, представляет ли он собой астероид, комету, пылевое облако или искусственный объект, но траектория его движения, как выяснилось, имеет довольно высокие шансы закончиться столкновением с Землёй. Специалисты из НАСА и международных обсерваторий пока не комментировали это заявление, однако его авторы

(смесь мяукающих звуков, обозначающая фамилии китайских астрономов) утверждают, что будут продолжать наблюдение за этим объектом и уточнять данные. По их предварительным расчетам, 11 сентября сего года пути объекта и Земли могут пересечься в одной точке.

Я зевнул. Сообщения об ожидаемых концах света появлялись в сети так часто, что обыватели совсем перестали обращать на них внимание. Вот скачок цен на алкоголь – это да, это их волнует до самых глубин мелководных душ, а концы света... Это всё погоня за трафиком.

Проверил холодильник на наличие съестного. Пусто. Всё-таки некоторые вещи в нашем мире незыблемы. Я разочарованно хлопнул дверцей и принялся было зашнуровывать кроссовки, когда обнаружил, что царит тишина.

Я уставился на монитор. Ролик завис, а в центре картинки вращался вокруг своей оси значок загрузки. Я вернулся и нажал клавишу «обновить экран». Браузер сообщил мне, что такой страницы не существует. Во как.

Чутьё подсказало мне, что в космосе, видно, и впрямь неладно. Я покликнул там и сям: подкаст как в воду канул. Ладно, если фейк – то скажут что фейк, если правда – тоже кто-то рано или поздно выложит.

Покончив со шнурками, я убрался из дому и прокрался вдоль правой от подъезда стены – прочь со двора, а потом к остановке. Хозяйка квартиры, которую я снимал, уже звонила, напоминая о желании взыскать с меня оплату за проживание, однако я сослался на то, что нахожусь в командировке и вернусь не раньше, чем через неделю. Вот тогда и расплачусь с ней сполна. Не хватало, чтобы она узрела меня гуляющим под её окнами в соседнем подъезде.

Денег оставалось катастрофически мало, поступления новых пока не предвиделось. С работой не ладилось с тех самых пор, как экс-любимая уехала в Питер устраивать свою жизнь. Я потерял несколько килограммов, накопил несколько сотен дефицито-часов сна, измотал нервы себе и всем окружающим. Наконец, из-за ежевечерних возлияний, которыми я глушил боль, меня попросили с неплохой должности. Надо было выпутываться как-то из финансового и эмоционального тупика, вот я и взялся за этот нелепый заказ. Однако и эту работу я, похоже, запарол.

Сидя в маршрутке, я набрал её номер. Абонент на той стороне не желал со мной беседовать. Уже который день. Нет, сегодня определённо напьюсь. А потом напишу ей. Выскажу всё. Хотя... зачем? Насильно мил не будешь.

Кафе, в которое я направился, когда вышел из маршрутки, собирало крайне разношёрстную публику. Журналисты, мелкие бизнесмены, старые алкоголики и молодое хулиганье со своими барышнями, как-то мирно здесь уживались, не скандаля и не перемешиваясь между собой. В полдень здесь было, как правило, пустынно. Ритм жизни представителей местечковой богемы был настроен на посещение «Лакомки» в более поздние часы. Я заказал бифштекс, бутерброд и пиво, после чего уселся за столиком у окна, лицом к улице. Приятно потягивать из бокала лёгкое светлое, наблюдая, как девушки шеголяют в своих вызывающих нарядах, пользуясь мягким теплом первой декады сентября. Забываешь, что денег нет, а твоя баба, фактически, променяла тебя на карьеру. И начинает казаться, что, несмотря на неудачи, ты, всё же, мужчина, у которого жизнь, в принципе, вполне может ещё удаться, если навести порядок в голове.

От неожиданного неприятного ощущения я даже отставил бокал подальше. В голове, как раз, было вовсе не в порядке. Легкая волна дрожи, пришедшая из основания позвоночника, добралась до межбровья, порядком усилившись, и превратилась в ритмичную пульсацию, которую я сначала принял за слабый разряд электричества, а потом за странный нервный тик. Безобразие продолжалось несколько секунд, после чего прекратилось так же неожиданно, как и началось.

– Серёж, тебе нехорошо? – участливо склонилась официантка Наташа, явно рассчитывавшая подсесть и поболтать, пока с посетителями было не густо.

– Угу, – сдавленно допроглотил я пищу. – Наверное, пора уже с ежедневным пивом завязывать.

– А я давно говорю, возьми уже себя в руки!

Наташа передумала подсаживаться, так как заявила парочка завсегдатаев, на которых ей пришлось отвлечься.

И тут появился он. Мужчина, невысокий, лет пятидесяти, с крупным носом, толстыми губами, небольшим животом. Он стоял по ту сторону стекла и смотрел мне в глаза.

Хорошо, что я не успел отправить в рот новую порцию пищи, потому что рисковал бы поперхнуться и умереть от асфиксии. Дело в том, что стекла в кафе зеркальные. Иногда прохожие, не подозревающие о том, что изнутри их гримаски отлично просматриваются, останавливаются и начинают прихорашиваться. Особенно комично выглядят выпившие мужчины или школьницы.

Этот тип выглядел ни капли не комично. Он не просто знал, что за стеклом я его вижу, он *сам* видел меня... сквозь зеркало. Заметив, что я поймал его взгляд, он растянул губы в улыбке и вошел в кафе, не переставая улыбаться. Меня пробрало холодом: таких фокусов я никак не ожидал. Это просто было невозможно.

Не снимая улыбки с лица он сел слева и положил тяжёлую руку на плечо. Жест не добавил мне ни уверенности в себе, ни расположения к незнакомцу. Я испугался, что мой метаболизм резко ускорится и обед расстанется со мной намного раньше, чем ему полагается.

– Пора, – между тем, сказал мужчина. Паника внутри росла. – Пришёл срок.

– Куда? Какой срок? – неуверенно промямлил я, торопливо промокнув губы салфеткой. – А мы знакомы?

Улыбка стала шире. Незнакомец не терял контакта с моими зрачками.

– Считаешь, неудачное место для беседы? – спросил он. – Ладно тебе, старина, чего нам уже стесняться. Срок пришёл!

Наташа, закончившая с посетителями, разочарованно отправилась за стойку, видимо впечатленная солидным обликом моего собеседника. Дорогая, это ты напрасно, я весьма рад с тобой перекинуться парой дежурных фраз. Это избавило бы меня от этой нелепой ситуации! Ну вот, ушла на кухню... Бросила меня наедине с этим... Этим кем?

– Простите, запамятовал. У меня работа такая, знаете, постоянно новые лица. Напомните, откуда мы можем быть знакомы?

Улыбка толстых эластичных губ почти перерезала его лицо пополам.

– Оттуда, – сказал он, скалясь, и придвинув лицо почти вплотную к моему. – Оттуда, вестимо.

Я проследил за его жестом: свою пухлую шуйцу он поднял, тыча пальцем вверх.

Дело принимало серьезный оборот. При чем тут верх? Он из администрации области? Погано я помню их физиономии. Герой какой-то публикации пришел пожурить за критику? Ага, один, без охраны. Голос конечно, властный, но манеры... Криминал? Да я вроде никому дорогу не переходил. Периодически сотрудничая со СМИ я, в общем, всегда трезво понимал, что найти меня для заинтересованных лиц не составляет труда, поэтому старался такую заинтересованность ни у кого не вызывать.

Если обе эти версии отпадают, значит это либо бизнесмен, либо... Вот местный бизнес я в лицо неплохо знаю. Примелькались. Он явно не местный. Я быстро перебрал в голове все командировки. Не-а, да не встречались мы с ним в жизни ни разу...

В жизни? Вспомнив недавний приступ странной вибрации я, наконец, смог разорвать с ним контакт глазами. Да, его внешность не вызывала у меня никаких ассоциаций, но вот этот взгляд... Он, как раз, казался до боли знакомым. Но это ощущение тянулось будто откуда-то не из обычной памяти. И тут до меня дошло, что раз иные версии несостоятельны, то этот человек, видимо, псих, да ещё и с явно аномальными способностями, возможно гипнотизёр.

- Мы можем не откладывать, – сказал гость. – Ты готов? Я за тобой.
- Я в туалет, – попятился я, привстав и чуть не свалив стул. – Минутку.
- Не оглядываясь, я юркнул в дверь подсобки, едва не сбив с ног Наташу.
- Так, Наталка, времени на объяснения у меня нет, но мне очень нужно срочно свалить.

Выведи меня через задний ход, пожалуйста.

- Ну ты даёшь! А я думала это твой друг.
- Возможно. Но ему нужно здорово потренироваться, чтобы его дружба выглядела более убедительной.

Наташа, безусловно, лопалась от любопытства, но понимала, что раз её постоянный посетитель в спешке смывается, то нужно ему помочь.

- Может полицию вызвать? – крикнула она вдогонку.
- И скорую тоже, – ответил я, скрываясь за дверью. – Если он не уберётся.

Я выскочил во двор и быстрым шагом поспешил прочь. Во дворе жили недружелюбные собаки, но выбора не было, и я, прикрывая зад, двинулся мимо них, шикая то на одну четвероногую, пытающуюся меня тяпнуть, то на другую. Облаянный стаей, я покинул территорию двора, перешел улицу и поспешил в сторону центра, пытаюсь успокоиться.

Эх, пропал мой завтрак! И так деньги кончаются... А чего сбежал-то, спрашивается? Он же вроде ни нож к горлу приставлять не собирался, ни целоваться лезть. Надо было культурно от него отделаться, сохранив лицо.

Ага, как будто это было возможно. Тип будил мистический страх своими словами и взглядом. Я не понимал ни кто он, ни что значат его речи, но мой инстинкт самосохранения велел мне держаться от него подальше, и я его просто мгновенно и без кривляний послушался. Хорошо, хоть за еду заплатил сразу. Перед Наташей не стыдно.

Приступ пульсации в точке третьего глаза чуть не свалил меня с ног. На этот раз она повторялась, повторялась, повторялась, пока я с досады не хлопнул по лбу ладонью.

Действие оказалось радикально эффективным. Тик перестал меня беспокоить. А вот послание, содержащееся за хрусталиками глаз незнакомца, было не так-то легко вытравить из головы. Но расшифровать – тем более.

Не сбавляя шагу, я набрал номер Фёдора. Мы как раз должны были созвониться. Он, помнится, обещал на днях подбросить шашку, что в моей ситуации было совсем не лишним.

- Удобно говорить?
- Ага. Я дома, вещи укладываю.
- Куда собрался?
- Да я как раз хотел тебе звонить. Помнишь, я говорил, что у меня заказ наклёвывается?

Так вот, клиент таки созрел. Родил, наконец, концепцию того, что он хочет, и заплатил аванс. С меня оргвопросы, с тебя контент. Ты ж свободен сейчас вроде?

- На вольных хлебах. А работы много? Сколько платит? И зачем вещи-то собираешь?
- Фёдор заговорщически захихикал:

- Чем сидеть в городе, смог нюхать, предлагаю переместиться к клиенту на дачу.
- Здорово. Куда?

– Станица Занюховская. Дачка – прямо на берегу реки. Петр Севастьянович мужик небедный, у него там все блага цивилизации: баня, бильярд, теннис и нужная оргтехника. Погода прекрасная, природа. Идеальный заказ.

- Уверен?
- А почему нет?
- Надеюсь, твой Петр Севастьянович не думает, что мы будем трудиться денно и ночью?
- Да не, он нормальный. Понимающий. Даже компанейский.
- Слушай, а ты мне денег не подзаймешь? Надо же с собой провизии захватить...

– Забудь. У клиента там изобилие. Он же один из самых крупных землевладельцев в области. Для нас – полный пансион.

– Понял.

Что ж, не всё так погано, как я думал.

– Где и во сколько?

– Давай на вокзале, часика через полтора.

– Идёт. Как раз успею дома пожитки собрать.

– До встречи.

Времени, в общем-то, оставалось в обрез, так что я недолго думая, свернул в переулок, намереваясь побыстрее добраться к остановке. Было достаточно жарко, и я поспешил по каштановой аллее, держась теневой стороны. Перед площадью, на другую сторону которой мне необходимо было попасть, я задержался, чтобы попить квасу. Потягивая напиток из пластикового стакана, предложенного продавщицей, я рассеянно оглядывал людей, толпящихся на остановке в сотне метров. Многовато набралось, и это «мёртвый» час.

В следующий миг набранная в рот порция кваса отправилась назад в стакан. Губастый неизвестный, нашедший меня в кафе, неукротимым тяжёлым шагом двигался к остановке, оглядывая всё вокруг медленно и плавно, словно вместо головы у него вертелась танковая башня.

Я укрылся за продавщицей, с подозрением наблюдавшей за моими странными перемещениями и, держась тени, потрусил вглубь улицы, на ходу вызывая такси. Домой мне ехать совершенно расхотелось. Мне совершенно не нравится, когда за мной следит человек, намерений которого я не знаю, но ещё меньше мне хотелось сейчас эти намерения выяснять. Я не хотел бы столкнуться с ним ни в подъезде дома, в котором я снимал жильё, ни в закрытом салоне автобуса. В голове созрело чёткое решение убраться из города подальше и чёрт с ними, с вещами. Для моего спартанского образа жизни в станице найдется всё необходимое. А там, надеюсь, что-нибудь и прояснится. Позвоню знакомым в органах. Может, выяснят кто это, и что ему нужно.

Садясь в такси я, уже привычным жестом, пресек пульсацию в межбровье и постарался зарыться в заднее сиденье поглубже. Мир вдруг показался небезопасным и неудобным. Я с опаской взгляделся в зеркало заднего вида: а ну, как в отражении на лице шофера начнут проступать пугающие черты губастого!

Открывший дверь Фёдор воззрился на меня с недоумением:

– Чего это ты налегке? И это, мы ж должны были на вокзале встретиться.

– Скрываюсь от хозяйки, – соврал я. – Оплату требует, а у меня осталось только на еду и проезд.

– А, – протянул он. – Ну, заходи, раз так. На тебя пару носков, футболок прихватить?

– Очень было бы кстати, – улыбнулся я. – И полотенце б тоже.

Автобус чихнул гарью, и, натужно урча на подъеме, скрылся за поворотом. Степной дух зашекотал ноздри. С реки ветер пахнул сырой прохладой. Рюкзак за плечами был едва ощутим, выпростанные после многочасовой дороги мышцы налились свежей энергией. Станица была пуста, лишь возле остановочного ларька продавщица точила лясы с сидевшим на деревянных ящиках похмельным казаком, да пёс, видимо окормляемый в этом же ларьке, на спине катался в пыли, гоняя блох. Разноголосое сюрчали в траве насекомые. Небо на горизонте топило солнце в молочно-розовой предзакатной пелене. Почти буколическая идиллия.

– Ну что, Сусанин, веди, – проронил я, хлопнув Федю по плечу.

– Не, мы тут подождем.

– С моря погоды?

– Нас встретить должны.

– Петр Севастьянович?

– Делать ему больше нечего. У него забот и так хватает. Нас должна встретить его секретарь. Девушка! – Фёдор многозначительно ухмыльнулся, делая в последнем слове протяжное ударение на букве «е». Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, на что он намекает. Эх, Фёдор, как ты предсказуем! Но можешь не стараться. Увы, любая женщина, на которую падал последнее время мой взор, воспринималась мною лишь как тень моей любимой предательницы, а занимала моё внимание ещё меньше, чем чья бы то ни было тень.

В полутора сотнях метров от нас располагалась паромная переправа. По обе стороны реки вереницей тянулись строения, по которым без труда можно было определить уровень дохода хозяев. Переговариваясь, мы подождали несколько минут. Вскоре, вздымая широкими шинами дорожную пыль, из глубины станицы прибыл джип, сделал вокруг нас эффектный разворот и резко тормознул. С водительского сиденья на землю ступила барышня ростом приблизительно метр шестьдесят пять, скуластая, с ясными васильковыми глазами, в джинсах, почти ковбойской шляпе на прямых светлых волосах ниже плеч, и в футболке с надписью «Клуб ангелов».

Не спеша, с хитрой улыбкой она подошла ближе.

– Вы за нами от Петра Севастьяновича? – утвердительно спросил Фёдор.

– Да, я за вами, – улыбка девицы стала шире и открытее.

– Это мой коллега Сергей, райтер, рекламщик.

Она вцепилась в меня зрачками. Изучая? Оценивая? Скорее пытаюсь разглядеть что-то знакомое.

– Очень приятно, – сказала она секунду спустя. – Прошу в машину.

– А вы Катя, да? – уточнил Фёдор.

– Нет, не Катя.

– Э... Нас, кажется, Катя должна была встречать.

– Обстоятельства изменились. Катя осталась на работе и вас препоручили мне. Будем знакомы: София.

– Какое редкое имя, – покачал головой Фёдор, усаживаясь на переднее сиденье справа. – Что ж, мы вовсе не разочарованы. Наоборот, более чем...

– Я знаю, – улыбнулась София, обернувшись к нему. – Мужские эмоции я насквозь вижу.

– Так вы экстрасенс? – спросил я, положив рюкзак под ноги и закрыв дверцу.

– Мелко берете... Сергей, – она удостоила взглядом через плечо и меня.

– Интересно...

– Раз интересно, я вскоре с удовольствием расскажу вам об этом, – рассмеялась она, тронув машину с места. – Или вы будете столь заняты, что не будете знать сна и отдыха всё время пребывания в этом гостеприимном месте?

– Что вы, София, для того, чтобы работа была выполнена качественно, нужно обязательно давать себе отдых! – подыграл Фёдор.

Оживленно болтая на грани флирта, и почти мгновенно перейдя на «ты», мы подъехали к месту нашей дислокации: двухэтажному особняку с мансардой, обложенному бежевым декоративным кирпичом, с обширной верандой, подворьем, орошаемым газоном, воспитанными овчарками и другими прелестями. Изгородь, однако, была вполне в традиционном стиле: плетень, увенчанный глиняным горшком. К воротцам резво выскочил с веранды небольшого роста мужичишко лет тридцати пяти, с торчащим чубом, большими руками и ухмыляющейся физиономией. Петли скрипнули, проезд оказался открыт, и мы оказались внутри двора. Джип девица бросила в тени купы плодовых деревьев, мы вынули свои пожитки и отправились на веранду, где мужичёк уже расставлял пластиковые стулья вокруг пластикового же круглого столика.

– Валела! – представился он, поочередно пожимая нам руки. – Сидеть, фу!

Валерий, у которого оказались лёгкие, временами пропадающие проблемы с дикцией, оказался сторожем, или, как он сам себя называл, смотрителем дачи. По совместительству он же был дроворубом, банщиком, поваром, посыльным и просто компанейским индивидуумом. Болтал он на любые темы, от политики, экономики и религии до моды, литературы и спорта. Рассуждал не слишком глубоко, но и не сказать, что совсем поверхностно или глупо, вполне оправданно с житейской точки зрения. Представив нас сторожевым псам, он тут же занял нас беседой, накрывая на стол. Доминирующей темой для него, как вскоре выяснилось, были спортивные ставки. Фёдор тоже был не прочь обсудить эту сферу, и потому даже отвлёкся от Софии, которую до того долго осыпал комплиментами. И она переключила своё внимание на меня, мне показалось – с облегчением.

– Ты разве не помнишь меня? – спросила она, прищурился в полуулыбке свои посветлевшие глазки. Интересно, скольких мужчин её внешность, повадки и взгляд повергли в прах...

– Да нет, – виновато улыбнулся я.

Пугают меня такие самки с самооощущением богинь. Я парень скромный, и с такими стараюсь больше не связываться. Мясорубка. Вернее, душерубка – вот, что такое общение с ними. Не влюбиться – трудно, так как это просто неизбежно. Но никакой счастливой взаимности для парней моего склада, не относящих себя к альфачам, дядюшка Дарвин в таких отношениях не предусмотрел.

– Шутишь, или как раньше упрямисься?

– Мне говорили, что я не умею шутить.

– Лгали. У тебя это всегда хорошо получалось.

– Возможно. Ты же круче экстрасенса вроде, от тебя ничего не утаишь.

Улыбка истаяла, и холод вернулся в её потускневшие радужки глаз.

– А по моим сведениям, ты всё вспомнил. Значит и про нас должен вспомнить.

– Боюсь предположить. Мы целовались в детском саду?

– Значит, все-таки издеваешься, – она с победным видом откинула волосы. – А зря. Уже не до того. К тому же, мне всё-таки немножко обидно.

Я смотрел на неё со скепсисом и скукой, потому что в моей голове не нашлось ни единой догадки, поясняющей, о чём она ведет речь. Интересно, когда эта назойливая помеха отприветится отсюда восвоится и можно будет спокойно начать работать?

Валера разлил по бокалам одну из привезённых Софией бутылок сухого красного. На подносе томились горки нарезанного хлеба, сыра, ветчины, в простой стеклянной вазе красовались фрукты.

– Ну, за встлечу! – возгласил Валера, очевидно, уставший трепать языком.

– Ага! – присоединился Фёдор, поднимая свой бокал.

– За приятную встречу! – произнесла София, не отрывая от меня взгляда, что не укрылось от внимания Феде. Это сподвигло его на то, чтобы отвернуться и окончательно потерять к ней интерес. Хитрое дружеское сводничество. Что же, вполне разумно, ведь у его Кристины чутьё на его романтические похождения. Мигом учует.

Я молча присоединился к тосту, отхлебнув из бокала. Через миг, когда наши сотрапезники задрали вверх подбородки, опрокидывая терпковатое содержимое бокалов, София шустро и неприметно, словно кошка, владеющая приемами ниндзя, подалась ко мне и шепнула:

– Хватит упрямиться. Возможно, именно сейчас он готов простить тебя. Время пришло.

Холодок пробежал у меня по спине. Дежавю. Только теперь в женском обличье. Время, может, и пришло, но моё терпение вышло. Хватит с меня намёков на то, о чём я не имею никакого представления.

– Надо же, мои забытые друзья детства как сговорились сегодня! – тихо произнёс я с плохо скрываемым сарказмом. – Все меня находят и толкуют про наставший срок. А я не

помню ничего. Алкоголь, холестерин – понятное дело, память в хламе. У нас что, на днях встреча одноклассников? Что-то не ориентируюсь никак...

Холодность глаз расплавилась и кристаллизовалась в недоумение.

– О чём ты?

– Не обращай внимание. У меня странный день сегодня. Не ты первая, кто мне тему про наставший срок подкидывает. С намёком, что раньше мы виделись. А я вот что-то совершенно этого не припоминаю.

София нахмурилась и ушла в себя. На её скуластом лице заиграли желваки. Щёки, казалось, стали более впалыми. После минутного раздумья её внимание вновь сконцентрировалось на мне.

– Ничего не помнишь, говоришь... Что же. Может быть. Тогда слух о том, что ты всё вспомнил, не соответствует истине. Но учти, Шемихаз, если ты снова упрямо ведёшь свою игру, мало кто из наших будет на твоей стороне. Да и, признаться, не вижу смысла тебе стоять на своём. Всё уже ясно, и ты не сможешь дальше противиться.

На своём веку я успел повидать достаточно сумасшедших. Есть у них свойство время от времени бродить по редакциям и добиваться расследования историй о всемирном заговоре или контакте с инопланетянами. С непременным участием самих рассказчиков, конечно. София на сумасшедшую явно не тянула, и всё же её высказывания на речь здорового человека походили мало. Однако ссориться с представителем заказчика в первый же день вовсе не входило в мои планы. Во-первых, Фёдор вряд ли будет рад такому обстоятельству. А во-вторых, сам я крайне нуждаюсь в деньгах. Надо как то съезжать с темы, ибо как девица себя поведёт, если отшить её прямым текстом, я предугадать не мог.

– София, не обижайся, конечно, но разговор об этом я хотел бы прекратить. Лады?

Девушка откинулась назад, и, прищуриив глаза, стала рассматривать меня с лукавой ухмылкой, понемногу отхлёбывая из своего бокала. Ее пальцы ритмично отстукивали по столу какую-то дробь.

– Ты не изменился. Всё такой же упрямый, – произнесла она спустя какое-то время. – Может быть, за это я и любила тебя.

О как... Такого поворота я не ожидал.

– Шемихаз... Если ты думаешь, что и дальше можешь прятаться в человеческих судьбах, ты ошибаешься. Участь этого мира предрешена. И твоя очередная смерть, вместе с ним, будет окончательной.

Я молчал, ожидая, что она выдаст ещё. Ситуация начала меня утомлять.

– Боишься? – негромко спросила она. – Земле конец, это уже не шутка. Эпоха очередных последних предупреждений миновала. Создатель хочет подвести черту под своим творением и взвесить дела каждого. Это и тебя касается, дорогой.

– Слышал я нынче про конец света, – небрежно сказал я, допивая своё вино.

– И продолжаешь стоять на своём?

Я пожал плечами.

Она нервно поставила свой бокал на стол, и, взяв меня за руку, горячо зашептала:

– Шемихаз, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Но мне кажется, дальше сопротивляться бессмысленно. Если за эти тысячелетия ты не смог доказать свою правоту, то не сможешь и сейчас. Или... У тебя есть какой-то козырь, о котором я не знаю? Что ты скрываешь? Кто, что на твоей стороне, что ты столь уверен в себе?

Прикосновение её пальцев было приятным. Яд желания тихонько пробрался сквозь поры кожи и запустил в теле какие-то механизмы, которые делают жизнь гораздо сложнее, трагичнее и одновременно невыносимо счастливее. Да, девушка весьма хороша. Жаль, что не в своём уме, мог бы и роман завязаться.

– На моей стороне здравый смысл, – изрек я, высвобождая кисть.

Она потерянно уставилась взглядом в стол.

Наконец, вынула из своей сумочки визитку и накромсала на ней номер мобильного.

– Если передумаешь – свяжись со мной. – Времени у тебя, сам понимаешь, немного.

– Я знаю. Можешь передать Петру Севастьяновичу, что мы всё успеем вовремя.

– Вот клоун, – фыркнула она. – Я сказала «у тебя», а не «у вас».

– О чём вы там шепчетесь? – поинтересовался Фёдор, уставший от болтовни Валеры.

– Больше двух – всё вслух! – вставил тот.

– Ничего особенного, – усмехнулась София. – Я просто передала пожелания своего босса.

– Вот как... Меня это, наверное, тоже касается! – с ноткой обиды заявил Фёдор.

– Увы, Федя, это касается только вашего коллеги.

– Интересно...

– Всему свое время, Фёдор, всякой вещи под небом.

– Экклезиаст?

– Автор сохранившейся редакции текста – плагиатор. Он просто записал высказывания одного очень древнего существа, и немного подредактировал, очеловечил... Что ж, рада была знакомству. Продуктивной вам работы. Надеюсь, ещё увидимся, а сейчас мне, увы, пора.

София стремительно поднялась из-за стола, прижала руку к груди, с показным видом откланялась, и покинула нас.

– А если автоинспектор остановит? – поинтересовался Фёдор. – Вина то порядком выпито...

– Ничего. У меня наверху всё схвачено, – заявила София и, захлопнув дверь, рванула джип с места.

За столом воцарилась тишина. Ветер бросил в мой бокал зеленый, но уже суховатый листок. Осень.

– Чего это она так резко? – спросил Фёдор спустя пару минут безмолвия.

– Не знаю, лебят. Я, на самом деле, впелвые вижу её, – признался Валера. – Меня шеф пледуплеждал, что вы плиедете, но его новую секлеталшу я ланьшэ не видел... Ну что, желание плододжить есть?

Мы с Фёдором переглянулись.

– Я бы ещё выпил, – заявил он. – Завтра работать начнём, а сегодня уж отдыхать – так отдыхать. Век не был на природе.

Я понял, чем это чревато. Поступательным целенаправленным напивательством. Не то, чтобы я был против, но что-то мне мешало. Я попытался сосредоточиться на этой мысли и понял, что это мысли о Софии.

– Давайте так. Я к вам чуть позже присоединюсь, идёт? Не охота много пить, пока жара.

– Я вам вечелом настоящую жалу устлюю, – пообещал Валера. – Банька будет – высший класс!

Оставив их за столом, я отправился исследовать новую среду обитания. Вскользь осмотрел первый этаж, затем второй. Несколько спален с удобными кроватями, застеленные чистым бельем и нежными на ощупь пледами, кухня, столовая, гостиная, библиотека, пара комнат неясного назначения. Я облюбывал, по моему разумению, один из рабочих кабинетов, примыкающих к библиотеке. Включил бесхозный добротный ноутбук, создал новую папку, сбросил в неё своё техзадание и вводную информацию. Быстро просмотрел таблоиды основных новостных ресурсов. На самом популярном красовалось интервью под броским заголовком «Привычная истерия по астероиду», в которой отечественное светило астрономии в пух и прах разносил утреннее сообщение о неминуемом столкновении Земли с вновь открытым космическим феноменом.

«Траектории движения наиболее опасных для нашей планеты малых тел в Солнечной системе давно и досконально изучены, – резюмировал он. – Открытия такого значения не дела-

ются с бухты-барахты, и если кто-то хочет подлить масла в огонь и заработать на дешевых сенсациях, то я сильно сомневаюсь, что ему это удастся».

«Вы лично проверяли результаты исследований китайских астрономов?» – не сдавался журналист».

«В этом нет необходимости, – заверил профессор, – исследования астрономов из различных обсерваторий расставили все точки над *i*, и у меня нет оснований не доверять представленным коллегами данным».

От бодрого тона профессора мне стало немного не по себе. Второй раз за день посетило чувство, что в этой истории не всё в порядке. Однако больше ничего путного по теме не попало, и я охладил к поискам. Вместо этого меня заинтересовала библиотека хозяина.

Я отправился в соседнюю комнату. Один её угол был скруглён, так что большую часть комнаты занимали книжные стеллажи до потолка, расставленные вдоль стены дугой. Самые доступные полки снизу занимала наиболее полезная для хозяина литература: сельское хозяйство, животноводство, другие аграрные дисциплины, ботаника, биология. Выше и правее справочников о пестицидах и удобрениях располагались современные низкокачественные детективы, книги об армии, разведке и милиции, книги по домоводству и даже женские романы. Их наличие свидетельствовало в пользу того, что вторая половина Петра Севастьяновича тоже частенько бывала здесь. А, может, не она. Может, его сменяющиеся секретарши?

Мысль о Софии, предающейся плотским утехам с боссом на стоящих под стеллажами креслах, смутила меня, но я прогнал воображаемую картину и продолжил изучение фолиантов.

Для облегчения доступа к самым верхним книгам служила стремянка, стоявшая ближе к окну. Я перетащил её к самому краю книжной дуги и взобрался под потолок, рассчитывая выяснить, что у нашего сельскохозяйственного барона меньше всего в чести. И наткнулся на Закон Божий. С ним соседствовал с десяток житий православных святых, несколько редакций Библий разной толщины, отдельно Псалтирь. Ещё были какие-то поучения и краткий молитвослов. Без особого интереса пролистав хорошо иллюстрированный альбом с репродукциями икон, я вознамерился было спускаться, как взгляд задержался на неприметном корешке с надписью «Апокрифы».

Запылившееся издание раскрылось на заголовке «Книга исполинов». Я с любопытством вчитался в строки перевода:

**Послание, написанное рукой Еноха, выдающегося писца
Шемихазе и всем его товарищам:**

Да будет вам известно, что прокляты вы и ваши дела и ваших жён,

Из-за вашего блуда на земле. И это на вас земля вопиёт

И обвиняет вас и дела ваших сыновей, и её голос восходит до Врат небесных,

Вопя и обвиняя (вас) по поводу осквернения, каким вы осквернили её.

Вот, грядёт уничтожение людей и животных...

Я с невесть откуда взявшимся волнением перевернул страницу. Среди прочтённых строк была какая-то важная информация, которую я никак не мог нащупать. «И Великий проклял князей»... «И пошли к Шемихазе, отцу своему, и рассказали ему о снах своих»...

Стоп.

Какое-то слово было мне знакомо.

В следующий миг я вспомнил. София называла меня Шемихазой. Или Шемихазом. Сумасбродная барышня оперировала текстами апокрифов, известных только узким специалистом. Для секретарши не дурно... И не нужно.

Я продолжил знакомство с переводом.

**Вот, Владыка небесный на землю спускается
И кресла расставляются, и Великий Святой садится.
Сотни сотен Ему служат, тысячи тысяч Ему поклоняются и перед Ним стоят.
И вот суд сел, и книги раскрыты, и суд произнесён,
И суд письмом записан и письменами начертан
Относительно всего живого и плоти всякой**

Дальше я читал уже взахлёб, пытаюсь выжать из фрагментарного обрывочного текста побольше смысла. Так, словно информация, заключенная в давно истлевших в пустыне свитках приобрела вдруг для меня жизненно важное значение. «Он поднялся над землёй подобно урагану и полетел с помощью своих рук, подобно орлу, имеющему крылья...» «Двести деревьев, которые с небес сошли – это двести Стражей...» «Осквернились исполины и нефилимы, и всё потомство, которое они породили...»

Следующая фраза нашла отклик чему-то столь глубокому в моей сути, что я невольно содрогнулся и едва устоял на лестнице:

**Я являл свою силу. И усилием своей твёрдой руки и мощью своей силы,
Я нападал на всякую плоть и вёл с ними войну.
Но восскорбело сердце моё за потомство моё, и отринул я предписания Великого.
И вот, ныне я не нахожу поддержки, усиливающей меня, ибо мои обвинители Святы, на небесах они обитают и со святыми они живут,
И я не выиграю своё дело, ибо они сильнее меня...**

Бредовые фразы, выпадавшие из уст Софии, показались мне вдруг не такими уж бредовыми. Да, они лежали вне сферы моего повседневного опыта, да, нормальные девушки не бросаются в разговорах отрывками неканонических священных текстов, но в её словах таилось не сумасшествие, а тайна, которую я решил разгадать. А потому дальше прочёл о том, что Великий послал кого-то на Землю «дабы исследовать на земле всех сынов Адама по поводу нечестия исполинов, которое они учинили на земле». Судя по всему, то что он выяснил, ему не понравилось, «И решил он устроить Потоп на земле.»

На этом перевод, увы, обрывался. Самое интересное, как всегда, время приберёгло для себя, спрятав так, что нам никогда не найти, несмотря на все старания.

Спустившись, я тут же запустил в интернете несколько поисковых процессов по ключевым словам, которые меня заинтересовали. «Невод» принес мне нужную информацию.

Первая ссылка прямо указывала на текст ветхозаветной книги Берешит, в русском переводе – Бытие:

**В то время были на земле исполины, особенно же с того времени,
Как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и те стали рождать им:**

Это сильные, издревле славные люди.

Дальше рассказывалось про Ноя и Потоп. Что-то в этой истории не клеилось. Во-первых, я знаю только про одного Сына Божия, и это уже гораздо более новая история. Во-вторых, здесь явно делается различие между людьми и сынами Божьими, из-за чего логично возникает вопрос, кто тогда они такие. В-третьих, так и не стало ясно, кто же такие «издревле славные» исполины.

Продолжая поиски, я нашел ещё кучу серьезных и не очень источников, на основании которых сделал вывод, что нефилим – это то же самое, что и стражи, то же самое, что сошедшие с небес, то же самое, что ангелы или сыны Божии. От элогим, или богов, которых впоследствии сговорились считать одним богом, они отличались, скажем, как обычные дружинники от родовитых князей. Исполины являлись потомством стражей от смертных женщин. Причем, судя по тону всех древних источников, такая связь считалась преступлением, и лидер элогим был крайне удручен тем, что его подчиненные спутались с созданными им смертными. За что объявил их вне закона и методично уничтожал, вместе с потомством. Насколько успешно – не ясно. Однако история про Потоп, идущая следом, должна была, по-видимому, показать, что «исполинский» вопрос был решён радикально и окончательно.

Наконец, мне удалось выяснить, что Шемихаз(а), Семджаза или Сем'йаза (исследователи так и не определились, какое прочтение и озвучивание наиболее верное) был вождем легиона этих «ангелов». Но иногда вместо него лидером указывался некий Азаэль или Азаэл, так что вообще было не понятно, об одной ли группе существ идёт речь, или о разных.

Я вернулся к сборнику апокрифов. Так называемая Первая Книга Еноха, приписываемая одному из легендарных библейских патриархов, которого Господь живым забрал на небеса, сообщала дополнительные подробности о том смутном времени.

Двести ангелов, спустившихся на Землю в районе горы Хермон во времена жизни библейского патриарха Иареда, вступили там в тайный сговор и поклялись под угрозой проклятия, что не отступятся от чего-то, что они задумали. Из текста не было ясно, чего именно. Зато приводились имена руководителей заговорщиков и суть их преступления:

**... Взяли себе жен, которых выбрали;
И стали входить к ним и оскверняться с ними,
И начали) обучать жен колдовству и чародейству,
И собиранию целебных корней;
И они показали им лекарственные травы.
Аза'эл научил людей делать железные мечи и медные нагрудники,
И показал им, какие металлы можно извлекать из земли,
И как им следует обрабатывать золото, дабы оно было готово к использованию;
Относительно же серебра – как из него делать браслеты и украшения.
А женщинам он показал, как пользоваться сурьмой и как наводить тени,
А также сообщил то, что касается драгоценных камней и красящих веществ.
Шемихаза научил волшебству и собиранию целебных корней.
Хермони научил наведению чар, магии, колдовству и ремесленному мастерству.
Барак'эл научил различать признаки грома.
Кохан'эл научил различать знамения звезд.
Зеки'эл научил различать знамения вспышек молний.
Ар'такой научил различать знамения земли.
Шамши'эл научил различать знамения солнца.
Сакри'эл научил различать знамения луны.
И все они стали открывать тайны своим женам.**

Я отметил, что на самом деле ничего худого в действиях Шемихазы сотоварищи усмотреть вроде бы и нельзя. Вполне прометеевские цивилизаторские мотивы. Однако Енох привёл и ужасающие подробности того, что было дальше:

И они забеременели от них и породили исполинов высотой в три тысячи локтей;

Они родились на земле и выросли,

И повзрослели и стали пожирать произведения тяжкого труда всех сынов человеческих, И люди были не в состоянии прокормить себя.

А исполины замыслили уничтожить людей и пожрать их.

И они начали грешить против всех птиц и зверей земных

И пресмыкающихся, ползающих по земле и животных, обитающих в воде и в небесах,

и рыб морских, и пожирать плоть друг друга, и пить кровь.

Тогда земля обвинила нечестивцев от имени всего, что было сотворено на ней.

В структуре текста был какой-то изъян. Ещё раз просмотрев его сверху вниз, я понял в чем дело: фрагмент про жутких монстров, задумавших уничтожить людей, находился внутри перечисления всяких полезностей, которые стражи передали своим жёнам и детям. Ага. Явно более поздняя вставка редактора или переписчика. Интересно, с какой целью?

Я продолжил текстологический анализ. Следующие фрагменты рассказывали о том, что Бог приказал архангелу Гавриэлу заняться уничтожением исполинов, заняв их истребительной войной, чтобы их дни не были долгими. Архангел же Михаэл должен был сообщить Шемихазе и его товарищам, которые спутались с земными женщинами о том, что их потомство будет уничтожено, а сами они будут связаны в долинах земных на 70 поколений до великого суда над ними. «Ходатайство же за вас, – сообщалось в тексте, – не будет удовлетворено во все дни вечности, и против вас вынесено решение, согласно которого вы не сможете подняться на небеса во веки вечные, постановление связать вас и держать на земле во все дни вечности».

Такое вот правосудие.

Отложив книгу и выключив ноутбук, я открыл окно. Мне не хватало воздуха.

2. КРОВАВАЯ БАНЯ

Один мой знакомый, прихожанин церкви адвентистов седьмого дня, в бане всегда посмеивался над своими друзьями-атеистами: мол, вам, ребята, надо почаще париться. Привыкать к высокотемпературным воздействиям. Это он имел в виду ад, конечно же. Сам он, вероятно, считал, что уж его-то эта участь минует. Но в баню ходил с удовольствием, так что даже возникало сомнение в том, что он ведёт такой уж благочестивый образ жизни.

Банька, которую приготовил для нас Валера, для целей адаптации к геенне огненной подходила, пожалуй, больше, чем все опробованные мною ранее. Пётр Севастьянович подошёл к ее созиданию со всей серьёзностью, и температуру она давала на грани человеческой переносимости. А Валера всё не собирался останавливаться и продолжал кочегарить.

Мы сидели на средней полке в шапочках, наблюдая за его активностью. После очередной порции дров он втащил ведро с размокающими вениками, огромную бутылку пива, ковш и набор ароматных масел.

– Ну что, хлопцы, пал пустим? – осведомился он.

– Рановато, – сказал Фёдор. – Мне для первого раза, я чувствую, уже хватит.

– Что ж вы голодные такие немощные, – расстроился Валера. – По плавилам тебе ещё пять минут, как минимум, сидеть.

– Причём тут немощь! – вспыхнул Федя. – С непривычки же! Я в бане уж год, наверное, как не был.

Он решил высидеть положенные пять минут, но перебрался на нижнюю полку.

– Зря я так много выпил, – промямлил он. – В баню ходить тверёзым надо.

– Это точно, – согласился наш банщик. – Вот дед мой, потомственный казак, лассказывал, что ни гламму пелед баней не пил. Это его так отец воспитал смолоду.

– А ты родом отсюда? – спросил Фёдор.

– А откуда ж мне быть! Все пледки в этой станице жили. И жинок себе отсюда взяли.

– И что, советская власть ваш род не перевела? – включился я.

Валера задумчиво почесал щетину на подбородке.

– Да пладед, если так лассудить, и был тут советской властью. Не воевал он плотив большевиков. На флонте поддался на агитацию класную. Плав он был или нет – уже не понятно. Зато станица цела осталась, да жили более менее зажиточно...

Беседа, судя по виду Валеры, привела его в смущение, и он поспешил сменить тему.

– А веники то готовы давно! – воскликнул он. – Кто смелый?

– Не, я пас, – сообщил Фёдор, сползая с полки и затворяя за собой дверь.

– Слабак, – вынес вердикт Валера. – Ну, тогда ты ласполагайся давай, отхожу тебя как следует.

Пока я устраивался, Валера плеснул на камни ковш воды с каплей эвкалиптового масла, и в парилке установилась атмосфера, похожая, если ученые не лгут в описаниях, на венерианскую. Разве что содержание углекислого газа было в пределах нормы, и потому нависший надо мной корпус Валерия с веником наперевес, не искажался.

Валера принялся методично изуверствовать, сначала волнами гоня надо мной нестерпимый жар, а затем и прикладываясь веником. От температуры в голове у меня быстро помутнело, а пульсация в межбровье стала такой мощной, что кровь, казалось, сейчас так и брызнет фонтаном из этой точки.

– Худо мне, Валера... – простонал я. – С меня, пожалуй, хватит.

– Так я ж только начал... – расстроился он. – Ну, живо беги в воду!

Как есть, нагишом, исключая банную шапочку, я по колючим стеблям скошенной травы поспешил через двор к реке. Деревянный мосток закрипел под моими неровными шагами, комаров разметало в стороны, я остановился перед краем, держась за хлипкий поручень, оглядел темные заросли на противоположном берегу, и хлестко, как удар топора, ушел под воду...

... Когда пуля сбила фуражку, я глотнул воздуха и опустил голову под воду. Ледяные струи медленно проникали под одежду. К счастью, тело было сильно разгорячено погоней, а не то от холода я, наверное, хватил бы ртом мартовской водицы. Стараясь держать винтовку над водой, другой рукой я вцепился в поводья, пригибая голову моей гнедой пониже к воде. Дно под ногами ушло. Я отпустил узду, держась теперь за подпругу седла. Казалось, от холода воздух расходуется быстрее. Мгновенье за мгновеньем... когда уже берег!

Не выдержав, я вытолкнул тело наверх и втянул лёгкими воздухом, наполненный парами от разгорячённого тела лошади. Стрельба, кажется, прекратилась. Видимо, у отступающих кончились патроны.

Гнедая коснулась копытами дна и, получив точку опоры, выскочила на берег, потащив за собой и меня. Хлюпая водой из сапог, на которых нависли водоросли, я выбрался вслед за ней. Отяжелевшая шинель отдавала потоки воды в смесь из талого снега и грязи. Ха, да живой ведь, уберёт Бог!

Я затолкнул в патронник очередной подарок для беглецов, да, видно, это было уже излишним. Сказалось численное преимущество. Разрозненный отряд голубовцев, спешно покинувших казачью столицу после вторичного захода красных, был уже окружён и разоружён. Вернее, остатки отряда. Шестеро.

– Думаю, кончать их тут надо! – процедил сквозь зубы появившийся из-за моей спины комиссар Ящурман. – Чтобы не терять в скорости продвижения. Нужно не дать этим осколкам снова собраться где-нибудь у Голубова в кулаке.

– погоди ты кончать, – сказал я, не оборачиваясь, продолжая неторопливо двигаться к понуро стоявшим у воды, замерзающим, как и некоторые из нашей сотни, казакам. – Они ещё две недели назад наши были. Голубов переметнулся к контре, да и их увлёл за собою. Ничего, они ещё в нашу сотню вольются. А то ты все станицы кровью зальёшь. Весна идёт, сеять некому будет. Все с голоду подохнем.

– Не надобна нам сума перемётная. Эти казачки нам не товарищи. Того и гляди, в затылок из-за спины пулю пустят. Кончать их надо. В отношении таковых рекомендация главковерха такова.

Я остановился и смерил его хмурым жёстким взглядом. Мои казаки собрались вокруг него, с интересом ожидая развития событий. Однако Ящурман в полной мере отдавал себе отчёт в том, что говорит непопулярные вещи, и симпатии казаков сотни, над которою он поставлен поддерживать революционный дух, не на его стороне. Он примолк, напрягшись. Момент был принципиальный: копившиеся разногласия могли вылиться в открытую ссору, последствия которой были непредсказуемы. Я чувствовал, что комиссар давно перестал мне доверять, и при случае не преминёт доложить о моих «шатаниях» кому положено. Надо было разрядить обстановку, ибо подставлять своих людей я был не намерен.

– Спокойно, товарищ, – сказал я, изобразив подобие улыбки. – Дальше продвигаться сегодня нельзя: многие промокли, нужно сушить одежду. Иначе не миновать простуды. А я пока с ними поговорю. Так сказать, дам шанс.

– Как знаешь... – буркнул он и застегнул кобуру. Я оглядел пленных. У одного из них, совсем молоденького, из-под папахи текла тонкая струйка. Однако его взяли до того, как он в реку сунулся. Это его пот прошиб, когда решался вопрос об их дальнейшей судьбе.

– Привал! Разводите костры! Выставить дозор! – скомандовал я, начиная стаскивать с себя мокрую одежду, так как почувствовал, что у меня вот-вот зацокают от холода зубы.

Сотня засуетилась, выполняя мои распоряжения. Когда я скинул галифе и сапоги, костёр уже пылал всюду, так что мне оставалось только обтереться ветошью, да надеть сухую рубаху, развесив промокшую одежду на шестах. Привал устроили у купки деревьев, одиноко пристроившихся близ берега.

Быстро стемнело, и лица пленных, построенных в отдалении, приобрели в отблесках костра какой-то мученический оттенок. Я уже в полной мере согрелся и успокоился, чтобы начать допрос. Присев на подтащенное красными казаками брёвенце у костра, и накинув бурку на плечи, я закурил папиросу.

– Кто старшой?

Повисла тишина. Вскрапнула лошадь. Плеснула рыбина в заводи.

– Ну, я, – подал голос казак в чине старшего вахмистра. На вид – лет двадцать пять, чуб всклокочен, губа подёргивается. Но выпрямленная шея и взгляд исподлобья показывали, что он вполне контролирует свой страх.

– Давно с фронта?

– Уж полгода.

– Я смотрю, до креста дослужился. За какие заслуги?

– В Польше, во время атаки зарубил шашкой 14 пехотинцев и пулеметчика. Представлен к награде в девятьсот шестнадцатом.

Я хмыкнул, выпуская дым из уголка рта.

– Как я гляжу, навыки не растерял... Почто в Занюховской резню давеча устроили?

– Пусть бы не замали! – подал голос самый юный. – Мы к Корнилову пробивались, задерживаться не было плана, только провиантом запастись хотели.

– Их было вчетверо больше, – продолжил вахмистр как-то виновато.

– Да уж... Вчетверо. И потому вы всех положили.

Пленные молчали. Видно было, что супротив сего аргумента им нечего противопоставить.

– В бою это было, – подал голос ещё один казак. – Стало быть, не резня это.

– Логично. Ладно, отведите их греться, а со старшим я ишшо поговорю.

Ощущение опасности возникло где-то в затылке. Пленные? Вряд ли. Я осторожно осмотрелся. Сзади, чуть поодаль стоял Ящурман, наблюдая за происходящим. Заметив, что я уловил его взгляд, он деловито отошёл к другому костру и принялся разбирать бумаги в полевой сумке. Донос строчить будет?

– Садись к огню, – кивнул я вахмистру.

– Товарищ... – начал было караульный.

– Отдыхай. От меня не сбежит, – прервал я его.

Тот кивнул и удалился к группе казаков, приводящих в порядок оружие и сбрую на лошадях.

Вахмистр присел ближе, однако по игре мускулов на лице было видно, что он отнюдь не расслабился. Я угостил его табаком, однако и это, как мне показалось, не помогло расположить его ко мне. Курить со связанными руками, действительно, сомнительное удовольствие.

– Отчего новой власти противишься? – тихо спросил я.

– Ваше благо... – осёкся вахмистр. – Товарищ, не надо агитировать. Что мне хорошего ваша власть сделала?

– А что, обидела чем тебя?

– Меня? Да не только ж во мне дело. Мы уж было поверили Медведеву, и что вышло? Как только вошли в город ваши, началось: расстрелы, расстрелы, все у вас контра... А самито, Господи прости, вчера не из тех ли калош вылезли?

– Положено так, по закону революционного времени... Ну а что тебе старая власть сделала хорошего? Царь батюшка, прямо, благодетель был! Кроме войны ничего доброго нашему брату хлебать не приходилось.

– Кому война, а кому мать родна. Каждый своим делом заниматься должен. Вон, комиссар твой, к торговле охоч и пригоден был, а не революции делать. А казак – он до войны пригож. За то и в чести был всегда. Земля, воля. Царя власть – она от Бога. И неча на нашей земле порядки менять.

Я затушил окурок о подошву. Ущербная луна выглянула из облаков, бросив рябь отражений на зеркало реки.

– Так ты крепко в Бога веруешь?

Вахмистр презрительно хмыкнул:

– А то как же! Само, что ль, всё появилось?

– Конечно. В результате естественных процессов.

– Ну да. Смешной ты, товарищ. Давно ли в Закон Божий перестал заглядывать? Ежели рук к брёвнам не приложить, хрен из них курень сам собою сложится. А то – целый мир. Неправда твоя, товарищ.

– А хоть бы и есть Бог. Что ж, выходит тогда, что он за нас, за большевиков теперь.

Казак нахмурился. Меж бровей рельефно прорисовалась глубокая складка.

– Я с Писанием знаком. Может сейчас и за вас. Нам, православным, в наказание. За грехи. Чтoб покаяться и обратились к нему всем сердцем и всем разумом своим.

Я спрятал усмешку в усы. Ну ты смотри, а! Не проймёшь его. Твёрдый человек, зрелый. Я почувствовал всю несправедливость момента. Почувствовал острую жалость и понимание, что у меня не поднимется рука взять душу этого казака.

Запах талой воды и дыма щекотал ноздри. Вечные звёзды светили над вечной степью, где нашли свой приют кости казаков, турок, татар, половцев, гуннов, сарматов, скифов... Бесчисленных народов, живших до нас, не подозревавших о Марксе, интернационале и революции. Любивших своих женщин, ненавидевших врагов, растивших детей и вдыхавших этот же запах, запах жизни и свободы. А сейчас революционный долг велит мне прибавить к этим древним костям ещё шесть скелетов. Лишить жизни шестерых воинов, которых дома ждут за лучиной жёны или матери, мающиеся об их судьбе и бьющие под иконостасом поклоны. Шепчущие к Богородице просьбы, чтоб оберегла и вернула живыми их родимую кровинушку, кровь мятежную и не желающую принять, что мир изменился и прежним больше не будет. Долг. Слово из четырёх букв, означающее повинность. Вечно мы на Руси кому-то должны. То Царю-Императору были должны, теперь вот – советской власти. Нешто на этой земле не быть вольным народу никогда, так, чтобы без долгов, да без притеснений? И за благое дело же сражаемся, за свободу, за равенство. Только крови уж больно много. И внуки с дедами, зачастую, теперь по другую сторону, против отцов, уставших от войны, стоят. А этот вахмистр вот, не остался в своей хате отсиживаться, не сломила его, стало быть, империалистическая война, и не отбила желания стоять за своё, за старый уклад, за веру свою. Цельная натура. Хороших детей поднимал бы для новой власти, для нового мира. А сгинет тут, безвестный, и хоронить некогда. В овраге вороны склюют. И знает он, что не по-христиански придётся ему кончину принять. И ненавидит меня за это, но держится. Он знает. И я знаю. В отличие от Ящурмана атеиста знаю, что за всё содеянное тут придётся отвечать...

– Как тебя звать-то? – спросил, готовя самокрутку.

– Матвеем. Матвей Попов.

– А я ведь, Матвей, и сам поповский отпрыск.

– Это ты к чему?

– Да к тому, что комиссар Ящурман сам меня к стенке поставит через неделю, ежели я вас не расстреляю сегодня, как предателей. Но, как крещённый в православии, не могу тебе позволить без исповеди умереть. Не по-христиански это.

Губа вахмистра внезапно престала дёргаться, а складка на лбу разгладилась.

– Да уж. Нехорошо. Не хотел бы так помирать.

– Слухай сюда, казак. Устрою я тебе исповедь. Ежели без глупостей всё будет. Что ж я, не человек, что ли.

– Ну, спасибо, удружил. А где ж ты батюшку возьмёшь-то?

Я поправил бурку, и, глядя в сторону, проворчал:

– Я сам батюшка. Был. Потом в противоречие с Богом вступил, когда Господь жену прибрал у меня вместе с сыном. Тиф. Так я и в большевиках оказался. Хоть и думаю часто, что напрасно. Да поздно жалеть, когда дело уже сделано. Только рукоположения с меня никто не снимал.

Вахмистр раздумывал недолго, потом набрал в грудь воздуха, чтобы ответить. Я знаком показал ему не спешить: послышался быстрый перестук копыт. Красный казак из разведразъезда спешил и подвёл коня к моему костру. И возраста он с вахмистром одного, и усы лихо закрученные такие ж. Разгорячённый после езды верхом, полный жизни и горящий идеей. Не то что я, уж старый мудрый хрыч. Почему он достоин жить, а вахмистр Попов – не достоин? Кто рассудит?

– Красноармеец Дьяков, с донесением.

– Докладай, – буркнул я, ёжась под буркой. Сырость не хотела уходить. Или от огня далеко сел, или кости греть перестали. Или на душе слякотно.

– Голубов объявился в Заплавах, – переведя дух, сообщил Дьяков. – Сабель пятьдесят у него, или больше. Раненые есть. При нём пара орудий и обоз. Агитирует станичников на Новочеркасск идти, пока там гарнизон слабый.

– Ночью, шоль, агитирует? – переспросил я, прищурившись.

Из-за спины украдкой выползла тень. Я кожей почувствовал, что тень принадлежит не кому-нибудь, а Ящурману. Тут как тут, как же. Окурок обжёг губы, и я с сожалением выбросил его в огонь, тщательно отплёвываясь от табака. Времени на раздумье, которое дала бы пара лишних затяжек, не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.